

М. С. Пелевин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АФГАНЦЕВ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА:
ЕДА, ЖИЛИЩЕ, ДОМАШНИЙ БЫТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ХАТАКСКОЙ ХРОНИКИ»)
(ЧАСТЬ I)**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье собраны и проанализированы сведения о повседневной жизни восточных афганцев, содержащиеся в «Хатакской хронике» (1641–1724) — авторской части компилятивного историографического сочинения на пашто «*Tārīkh-i muraṣṣa'*». На примере многочисленных фрагментов текста, впервые переведенных на русский язык, показано, что реалии, относящиеся к еде, жилищу, домашнему быту, как правило, находятся вне фокуса хроникального повествования, но даже в беглых упоминаниях способствуют воссозданию подлинной и достоверной картины жизни авторов «Хроники» и их окружения. С привлечением параллельных источников — поэтических произведений Хушхал-хана (1613–1618), одного из соавторов «Хроники», в статье рассмотрены социальные аспекты приема пищи, коллективной трапезы и этикетных угощений, приведены данные об основных продуктах питания паштунов, типах постоянных и временных жилищ, процессе строительства домов и поселений, устройстве домов, домашнем имуществе и домашних животных, некоторых занятиях женщин и детских играх. Статья содержит новые, ранее не исследованные материалы по этнографии и культуре паштунских племен позднего Средневековья. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: литература пашто, этнография афганских племен, источниковедение.

**EVERYDAY LIFE OF PASHTUNS IN THE 17th — EARLY 18th CENTURY:
FOOD, DWELLING, HOME ACTIVITIES (BASED ON *THE KHATAKS CHRONICLE*) (PART I)**

M. S. Pelevin

St.Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation

The article examines facts on the everyday life of the eastern Pashtun tribes derived from the accounts of *The Khataks Chronicle* (1641–1724) — the original part of the historiographical compilation *Tārīkh-i muraṣṣa'*. Based on numerous excerpts from the Pashto text translated into Russian for the first time the article proves that realities pertaining to food, dwelling and home activities usually stay beyond the focus of the *Chronicle's* narration, but even mentioned in passing contribute much to reconstruct the real and trustworthy picture of the authors' and their milieu's everyday life. Supported with similar testimonies from parallel Pashto sources — the verses by the *Chronicle's* coauthor Khūshhāl Khān (1613–1689) — the article discusses social aspects of eating, collective meals and etiquette feasts, introduces and analyzes data on main food products of Pashtuns, types of permanent and temporary residences, house building technologies, lodging arrangement, home utensils, domestic animals and pets, as well as some women's home activities and children's games. New material collected and inspected in the article aims at including *The Khataks Chronicle* in the list of working sources on the history of Pashtuns and filling extensive lacunae in the studies of ethnography and culture of the Pashtun tribes in pre-modern times. Refs 19.

Keywords: Pashto literature, ethnography of Pashtun tribes, source studies.

Немногочисленные сведения о социально-политической истории, хозяйственной жизни, культуре афганских племен в период, предшествовавший образованию афганской государственности в середине XVIII в., основываются преимущественно на внешних источниках (в первую очередь на персоязычных историографических сочинениях могольского времени) или являются результатом аналитической ретро-

спективной проекции богатого фактологического материала, собранного на афганских территориях уже в XIX в., когда в силу известных исторических обстоятельств паштуны оказались объектом пристального внимания британцев (см., например: [1; 2, с. 7–68; 3, с. 151–246]). Собственно афганские (внутренние) письменные источники таких сведений, в том числе на языке пашто, появляются не ранее XVII в. Хотя подобных источников немного, их изучение до сих пор нельзя считать исчерпывающим и завершенным.

Как показывают проведенные исследования, конкретными историческими и этнографическими фактами в большой степени насыщены мемуары богослова Ахунда Дарвезы (ум. 1618/19 или 1638/39) *Тазкират ал-абрар ва-л-аширар* («Жития праведных и грешных») (ок. 1610) [4; 5, с. 22–23, 38–43; 6; 7] и многие поэтические произведения Хушхал-хана Хатака (1613–1618), признанного основателя национальной литературы пашто [8, с. 60–175; 9, с. 271–296]. Некоторые афганские сочинения, которые предположительно относятся к этому же времени и тоже содержат фактический материал, пока подробно не изучались. Например, афганские ученые датируют XVII в. сочинение некоего Мулла Маста Дзаманда *Сулук ал-ғазат* («Путь священной войны»)¹. З. Хевадмал определяет это сочинение как *рисала* («трактат») и сообщает о том, что оно «содержит повествование о войнах Ахунда Чалака в восточном Афганистане и горах Свата» [11, с. 125]. Не исключено, что в этом произведении речь идет о деятельности Мулла Чалака (он же Ахун Цалак), который в могольских исторических источниках выступает как один из вдохновителей мятежа йусуфзаев против имперских властей в 1666/67 г. и активный сторонник самозванца, выдававшего себя за могольского принца Шаха Шуджа [12, с. 21–22; 13, с. 286–287].

Наиболее важным по объему, уникальности и разнообразию сведений об афганских племенах позднего средневековья является компилятивный труд *Тарих-и мурасса* («Украшенная драгоценностями история»), принадлежащий паштунскому племенному правителю Афдал-хану Хатаку (ок. 1664/65–1740/41), внуку упомянутого Хушхал-хана [14]. Оригинальная авторская часть этого сочинения, включающая разнородные тексты историографического содержания — мемуары, дневники, письма, другие документы, относящиеся к истории племени хатаков, может быть определена как «Хатакская хроника» (подробнее о составе, авторстве и истории создания этого произведения см.: [15; 16, с. 72–73]).

В настоящей статье собраны, систематизированы и проанализированы сведения «Хроники», касающиеся некоторых реалий повседневной жизни восточных афганцев — хатаков и соседних с ними племен, — которые населяли земли Пешаварской равнины и прилегающих к ней горных областей юго-восточного Гиндукуша. Надо заметить, что подобные реалии, включая те, о которых будет сказано ниже (еда, жилище, домашний быт), в текстах «Хатакской хроники», как правило, не несут на себе главного смыслового акцента. Общий нарративный стиль «Хроники» лишен описательности и не предполагает детализации. Авторы ее текстов сосредоточены главным образом на фактах излагаемых событий — вопросах «кто?», «что?», «где?» и «когда?». Побочные обстоятельства и детали, которые бы могли существенно дополнить эти главные факты зрительными образами и предметными характеристиками, к сожалению, крайне редко интересуют автора-хроникера. Можно утверждать, что изо-

¹ Текст *Сулук ал-ғазат* еще не издавался. Единственный список сочинения отмечен в каталоге рукописей Афганистана [10, с. 296].

бразительность как элемент формы вообще не присуща «Хатакской хронике». Если, например, оценочные характеристики моральных качеств и поведения персонажей иногда встречаются, то описание внешности, даже каких-либо отдельных черт или отличительных примет одежды и снаряжения, в литературные задачи авторов явно не входит. Конкретные исторические реалии, относящиеся к социально-правовой, хозяйственной, культурной жизни афганского общества, тоже, как правило, подробно не освещаются, а при их беглом упоминании никак не поясняются. Очевидно, что авторы «Хроники», во-первых, изначально ориентировались на очень узкий круг читателей — главным образом грамотных членов княжеского рода хатаков, и, во-вторых, преследовали не только собственно литературные просветительские цели, но также выполняли и внелитературные идеологические задачи, которые заключались в фиксации «правильных» знаний о прошлом и обеспечении преемственности политических традиций, связанных с принципами передачи верховной власти.

Тем не менее некоторые бытовые реалии, такие как еда, оставаясь вне фокуса повествования, даже в спорадических упоминаниях заявляют о себе как о первостепенных по значимости элементах повседневной жизни авторов «Хроники» и их окружения. Вербально или имплицитно еда в «Хронике» — всегда первичная жизненная потребность. Большинство фрагментов с упоминанием еды имеют характер дневниковых заметок, но не этнографических информационных справок. Наглядным примером того, как сообщения о еде функционируют в текстах «Хроники», является рассказ о плавании Хўшхал-хана на плоту по реке Ландай (Кабул) из Джалалабда в Сарай-Акору, резиденцию хатакских князей, в 1649 г. В этом рассказе еда упоминается три раза как самый обыденный факт: «...Плот уже был готов. Он поел и сел на плот с несколькими ребятами»; «Глубокой ночью они прибыли в Даку... Там они высадились [на берег]. Закололи барана, поели...»; «С большим трудом они высадились [на берег] около Агры... Приготовили еду, вечером поели. Поплыли на плоту [далее]...» [14, с. 281]. Так же между делом упоминает о еде Афдал-хан, рассказывая о своем переезде в Сарай-Акору в феврале 1724 г.: «Вечером 24-го [числа месяца] *джумадā-л-аввал* упомянутого года [19.02.1724 г.] Хайр Қули-хан прислал ко мне человека. Я в своем жилище только что закончил еду. Со мной сидел [мой слуга] Торай...» [14, с. 453].

Факт отсутствия еды, напротив, может акцентироваться, особенно если речь идет о близких людях, членах семьи, за благополучие которых автор «Хроники» несет личную ответственность. В коротком рассказе из дневника Хўшхала о кочевке с семьей по хатакским землям летом 1673 г. отсутствие еды является движущим мотивом повествования: «...К полудню мы приехали в Валэй. Оставались там до середины дня. Посуды, хлеба — ничего не было. Пришлось отсюда уехать... [Оказалось, что] Ибраһим Ацохел был в Утманй. Я послал к нему людей. Они привезли всякую там посуду, хлеб. За этим дети и провели время...» [14, с. 309].

В этом же рассказе говорится о питьевой воде как основном элементе жизнеобеспечения: «Я намеревался остановиться в Саробй. Но [там] не было воды. Я послал людей в Данбару. Там тоже не было воды... Было около полуночи, когда мы приехали на стоянку Мансўр-хана. Там тоже было мало воды... Всадники, которые ехали со мной, отправились в горное ущелье. Привезли [оттуда] воды...». Афдал-хан иногда упоминает о колодцах (*кўхай*) как важнейших объектах поселений. В экстремальных ситуациях, связанных как со стихийными бедствиями, например засухой, так

и военными конфликтами, колодцы становились объектами строгого контроля или даже захвата. В речи на племенной джирге в марте 1723 г. Афдал обмолвился о том, что в период сильной засухи, случившейся в этом году, колодцы, принадлежавшие его племени, были конфискованы могольской администрацией [14, с. 442]. Источниками питьевой воды, естественно, были и реки. Хўшхāl-хāн, неоднократно восхвалявший в своих стихах родную реку Ландай, обязательно упоминал о пригодности ее вод для питья². После резни с отрядами своего родного брата Нāмдār-хāна у переправы Гāдай в ноябре 1718 г. Афдал-хāн отметил в своем дневнике в числе прочих фактов такой: «Рассказывают, что из-за этих мертвецов (тел погибших в стычке. — М. П.) жители Макхады и Бāга в течение нескольких дней не пили воду из реки» [14, с. 417].

В сознании авторов «Хроники» еда — не только главный фактор жизнеобеспечения, но и важный аспект социализации. В паштунской среде еда воспринимается как обязательное угощение, диктуемое правилами гостеприимства, которое относится к ключевым понятиям афганского кодекса чести (*паштунвали*). Во время переездов по землям соседних племен в 1674 г. Хўшхāl-хāн записывал в дневнике впечатления о гостеприимстве встречавших его людей: «По дороге афрйдаи хорошо принимали нас: [устраивали] угощения, развлечения и прочее...»; «Все [моманды] хорошо исполняли [законы] *паштунвали*, вели себя достойно. Угощения и прочее должным образом устраивали...»; «... Там я провел одну ночь. Хатаки и чужие [люди] зарезали для меня корову³...» [14, с. 323–324].

Иногда угощение по правилам гостеприимства может сочетаться с институтом феодального кормления — коллективной трапезы, организуемой сеньором в качестве вознаграждения служащим ему людям или для обеспечения лояльности со стороны потенциальных противников. Когда в марте 1719 г. во время военно-политического противостояния с Нāмдār-хāном Афдал-хāн приехал в хатакское селение Цотару, для подтверждения своего статуса и удержания местных жителей от перехода на сторону Нāмдāра ему с большой неохотой пришлось устроить коллективное угощение:

...Вместе с семьей я приехал в Цотару. Никто из этих собак Цотары не вышел ко мне [навстречу] кроме Шайисты Даврāна Бāкйхела, который ведет свой род от Бахāдура⁴. Он выказал достойную преданность. Я разместился в его домах и жилищах. Несколько дней те собаки ждали Нāмдāра: «Может, он нас позовет, что-то даст нам?» Когда они поняли, что у него нет до них дела, что он — могольский ставленник, то все они явились ко мне провести джиргу. Между полуденным и вечерним намазом пришло ко мне четыреста человек, все стали моими гостями. Поневоле я подал им еду. На следующий день, когда они уезжали,

² Об этом он ярко говорит в стихах, написанных в период пребывания в индийском плену в 1664–1669 гг. В «Книге разлуки» Ландаю посвящен целый раздел — «Описание моей реки» [17, с. 41–43]. Первые семь бейтов этого раздела, восхваляющие именно питьевые качества воды из Ландай, начинаются словами: «Проточные воды Ландай / Соперничают с водой жизни...». В газели, написанной в Агре незадолго до освобождения, Хўшхāl сравнивает воду Ландай с водой великих индийских рек: «Может, еще доведется мне наполнить чашу твоей (Ландай. — М. П.) водой, / Какой издревле не было ни у Джамны, ни у Ганга» [18, с. 204].

³ Очевидно, речь идет о йўсуфзайских землях к югу от городка Малаканд. Хўшхāl-хāн проехал эти места, направляясь в Свātскую долину. По его словам, здесь он встретил кочевые семьи 'усмāнйхелов, рāнйзаев и хатаков орийхелов, которые его принимали в качестве гостя.

⁴ Видимо, имеется в виду Бахāдур-хāн Хатак, один из дядьев Хўшхāла.

было у них пустое желание: «[Может], он даст что-нибудь нам?» Но ничего больше им дано не было... [14, с. 420].

За пределами племенной паштунской среды угощение тоже функционирует как значимый элемент этикета феодальных иерархических отношений. Приглашением на трапезу могольские власти одновременно демонстрируют свое благорасположение к имперским вассалам и проверяют их лояльность. Соответственно принятие или отклонение такого приглашения со стороны *хатакских* вождей, могольских *джайрдаров* (землевладельцев-феодалов), всегда имеет политический смысл. В одном из фрагментов дневника Афдал-хана приглашение на трапезу со стороны могольского принца Бахадур-шаха прямо изображается как символический политический акт. В 1706 г., в период новых вооруженных столкновений с паштунскими племенами Хайбара, могольские власти были вынуждены выбирать себе союзника между Афдал-ханом и его дядей Бахрәм-ханом, которые давно вели внутриплеменную войну. Когда моголы решили сделать ставку на Афдала, ему было послано приглашение на трапезу. О своей реакции на это приглашение Афдал пишет:

Я встретился с ним (Бахадур-шахом. — М. П.) и проехал с ним до его лагеря. Потом с дороги был отпущен домой. Он прислал мне сообщение: «Вечером приезжай, поешь здесь». Я послал ему ответ: «Ты — *вазир* падишаха. Твое угощение (зд. *аи* 'суп') — это честь. Пошли его ко мне домой, чтобы каждый его увидел». На следующий день, когда он собирался в дорогу, я встретился с ним. Он уединился со мной и долго беседовал... [14, с. 380].

Этикетное приглашение на трапезу со стороны служащих могольской администрации могло представлять угрозу, поскольку подобное мероприятие было одним из способов ареста местных правителей, подозреваемых в нелояльности или измене. Именно таким образом были арестованы и дед, и отец Афдала: Хушхал-хан — в январе 1664 г., Ашраф-хан — в мае 1681 г. Ашраф-хан был арестован в Пешаваре в доме некоего Сайида Бахлола по приказу кабульского наместника Амйр-хана. Афдал подробно рассказывает о перипетиях этого события:

[Амйр-хан] послал приказ об аресте досточтимого хана Радже Рам-Сингху, который был в Джамруде. Тот был *заминдаром* (землевладельцем. — М. П.), не согласился: «Это не мое дело». Тогда [Амйр-хан] написал Сайиду Бахлолу, сыну Шахамат-хана, который был в Пешаваре: «Любыми уловками и хитростями арестуй досточтимого хана!» Раджа Рам-Сингх уговорил досточтимого хана захватить в Джамруд... Намекнул ему: «В Пешавар не ездь, проезжай мимо!» Но тот по причине своей верности поехал туда. Самолично приехал в дом Сайида Бахлола, [думая]: «Это — друг. Повидаюсь с ним, потом поеду [дальше]». А тот у Всевышнего Господа именно это и просил. Сказал он ему: «Ты садись, а я схожу в дом, принесу какой-нибудь еды. Ты поешь, а потом поезжай». Он усадил его, а потом окружил его своими людьми, показал ему грамоту от Амйр-хана и арестовал его [14, с. 492–493].

Коварство, связанное с нарушением законов гостеприимства, очевидно, было для афганцев особенно возмутительным, и подобные случаи надолго фиксировались в исторической памяти народа. По словам Афдала, подлое убийство Малика Татара, приглашенного на угощение Касим-ханом, командиром могольской заставы в Дуаба, стало одной из причин войны моголов с гилдзями в 1692 г.:

А началось все таким образом. Қасим-хән, который раньше, когда Амйр-хән приехал в Кабульскую провинцию, был у него командиром артиллерии, [теперь] командовал заставой в Дӯаба. Он позвал Малика Татара в гости. По совету Амйр-хәна он положил перед ним дыню. Малик Татар стал есть ее. А он сзади ударил его клинком и отрубил ему голову. Взял он эту голову, сбежал из Дӯабы, поехал в Кабул. Когда он прибыл в Кабул, Амйр-хән в городе устроил паштунам резню ... [14, с. 484].

Немногочисленные упоминания о том, что именно ели паштуны, во многом совпадают со сведениями «Хроники» о флоре и фауне восточного Паштунистана. Основу питания составляли продукты из злаковых растений: пшеницы, ячменя, проса, риса. Отвечая на вопрос императора Шәхджәхәна (правил 1628–1658) о йәсуфзаях: «Чем они кормятся?», — Хӯшхәл-хән сразу назвал два злака — пшеницу и ячмень [14, с. 278]. В рассказе о том, как Хӯшхәл в детстве получил травму головы, упомянуто просо, которое хәтәкские женщины обмолачивали и ссыпали в мешки [14, с. 272]. В «Хронике» продукты переработки злаковых культур часто обозначаются общим понятием *ғалла* ('зерно', 'хлеб').

Самой обычной и распространенной едой из зерновых растений были лепешки (*додәй*) и каша (*йгра*). Для хәтәкских вождей такая еда была не только главным средством существования, но также признаком умеренности и даже откровенной бедности. Возмущаясь тем, что в неурожайном 1723 г. могольские власти установили для хәтәков дополнительный налог в двенадцать тысяч рупий, Афдал-хән восклицает: «В таком положении, когда наши семьи перебивались кашей и ячменными лепешками (*ротәй*), с племени был взят налог!» [14, с. 442–443]. В касыде «Хоть вырос я в служении моголам...» Хӯшхәл-хән, наоборот, противопоставляет сытое феодальное служение идеалу свободной жизни со скромным достатком: «Если есть простая белая рисовая каша с пахтой (*йгра дә батә нә шломбо*), / Могольский плов мне не нужен: я сыт им по горло!» [18, с. 565].

В повседневный рацион афганцев входили также овощи и фрукты. Из овощных продуктов питания в «Хронике» упоминаются бобы, морковь, бахчевые растения (в основном дыни) [14, с. 314, 353 и др.]. Фрукты были в большей степени сезонными продуктами. Кроме того, плодовые деревья росли не везде, поскольку для их культивации требовались более благоприятные климатические условия и более существенные материальные затраты. Афдал рассказывает, что в его саду в городке Хәйрәбәде рос тут [14, с. 380]. Примечательное описание плодовых садов содержится в речи Бахрәм-хәна, который в 1700 г. предлагал свою помощь моголам в завоевании богатого края Баннӯ. В вольной интерпретации Афдал-хәна, слова Бахрәма, уговаривающего могольских чиновников идти походом на Баннӯ, звучат как завлекающая реклама:

...Такой край я видел в Баннӯ! Триста крепостей там. Богатые водой [земли]. Обильные урожаи, сады повсюду. Везде, где ни поселишься, гранаты, айва, яблоки свисают над твоим шатром. И до сего дня никто туда не ходил. Если вы завладеете этим краем, не будет нужды везти казну из Индии в Кабульскую провинцию. Для расходов Кабульской провинции тамошних богатств будет предостаточно! [14, с. 356].

Из других продуктов растениеводства в «Хронике» однажды упоминается также сахарный тростник [14, с. 314].

Мясные продукты употреблялись в пищу в меньшем количестве по сравнению с растительными, но тоже регулярно. В беседе с Хўшҳал-хāном император Шахджахан в своем втором вопросе о пище йўсуфзаев уточнил: «Какое мясо они едят?» Хўшҳал сказал о мясе крупного и мелкого рогатого скота — коров, буйволиц, овец, причем в дальнейшей беседе выяснилось, что особо ценная для приготовления еды баранина из курдючных пород была у паштунов редкостью. В «Хронике» имеется немало сообщений об угоне стад коров и буйволиц, а также о приготовлении говяжьего мяса в качестве угощения на разного рода социальных мероприятиях, включая племенные собрания и переговоры. Очевидно, именно говядина считалась самым ценным мясным продуктом. Другим немаловажным источником мясных продуктов у паштунов был охотничий промысел. В пищу шла вся добывавшаяся на охоте крупная и мелкая дичь, животные и птицы, в том числе упоминающиеся в разных фрагментах «Хроники» дикие козы, антилопы, муфлоны, зайцы, гуси, утки, дрофы, турачи и пр.

Кисломолочные продукты животноводства, разумеется, тоже постоянно употреблялись в пищу наравне с зерновыми культурами, однако в «Хронике» есть только единичные упоминания о кислом молоке и сыворотке. Эти продукты, видимо, служили в качестве легкой закуски. По дороге в Сарай-Акору в феврале 1724 г. Афдал-хāн во время короткого отдыха в какой-то деревне попросил у хозяина дома, где он остановился, только кислого молока, разбавленного водой [14, с. 455].

Дополнительные сведения о пище паштунов содержатся в одной любопытной касыде Хўшҳал-хāна, которую можно отнести к жанру стихотворного трактата [18, с. 519–524]. Это произведение перекликается с большой поэмой-маснави Хўшҳала *Тибб-нама* («Книга о медицине») [19] и представляет собой своеобразный краткий справочник по народной медицине и диетологии. Автор дает здесь народные рецепты лечения разных заболеваний, делится советами о том, как сохранить здоровье, рассуждает о полезной и вредной для здоровья пище. В произведении приводятся десятки названий различных продуктов и кушаний, недугов и средств их исцеления. По словам Хўшҳала, например, лучшее молоко — козье, а лучшее животное масло — коровье; ослиное молоко помогает при кашле; редька улучшает пищеварение и удаляет камни из мочевого пузыря; дикая мята устраняет запоры; лук усиливает сексуальное возбуждение; настой меда с луком полезен для крови; алоэ как специя не уступает по качествам шафрану; в дороге следует есть много чеснока (видимо, в качестве антисептика); дыни следует обязательно есть с хлебом и т. д. По поводу еды в целом Хўшҳал-хāн делает замечательное резюме: «Пока очень не захочешь, не ешь! / Не жуй все время как скотина!» (подробнее см. [8, с. 173–174]).

О процессе приготовления и приема пищи в «Хронике» нет никаких сведений. Из кухонных приспособлений вне специального контекста и без какой-либо детализации упоминаются только традиционная печь (*танур*), жаровня (*нгарай*) и посуда в целом (*лошай*). Интерес представляет еще сообщение Афдал-хāна о том, что у него был собственный повар (*баварчи*). В рассказе о драматической переправе через Инд осенью 1699 г. Афдал вспоминает такую подробность: «...А один мой кухарь по имени Бадо, которому было лет эдак семьдесят-восемьдесят и который вообще не умел плавать, волной был вынесен [на берег] целым и невредимым» [14, с. 355]. Тот факт, что тридцатичетырехлетний хатакский князь и его окружение пользовались поварскими услугами весьма пожилого человека, явно говорит о повышенном внимании

состоятельных паштунов к кулинарному мастерству и профессиональному опыту в деле приготовления пищи.

Литература

1. Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: АН СССР, 1954. 417 с.
2. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2: Афганистан в новое время. М.: Наука, 1965. 550 с.
3. Caroe O. The Pathans 550 B. C. — A. D. 1957. London: Macmillan & Co., 1958. 522 p.
4. Аҳунд Дарвеза. Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар (Жития праведных и грешных). Рук. ИВР РАН, № С 1560.
5. Кушев В. В. Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). М.: Наука ГРВЛ, 1980. 192 с.
6. Кушев В. В. Материалы к истории Нангархара (из сочинения Ахунда Дарвезы «Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар», XVII в.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 58–67.
7. Пелевин М. С. Жизнеописание «Светлого Учителя» по сочинениям Ахунда Дарвезы // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 115–138.
8. Пелевин М. С. Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 286 с.
9. Пелевин М. С. Афганская поэзия в первой половине — середине XVII в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 352 с.
10. De Beauxreuciel S. de Laugier. Manuscrits d'Afghanistan. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale, 1964. 420 p.
11. Хевәдмал З. Дә пашто адабийәто тәрих (История литературы пашто). Пешавар: Дәниш хпарандойа толәна, 1379/2000. (На языке пашто.) 278 с.
12. Кәмил Д. М. Муқаддама (Предисловие) // Тәрих-и мураҗса'. Пешавар: University Book Agency, 1974. (На языке пашто.) С. 5–72.
13. Sarkar J. History of Aurangzib. Vol. III. Calcutta: M. C. Sarkar & Sons, 1921. 414 p.
14. Афдал-уян Хаттак. Тәрих-и мураҗса' (Украшенная драгоценностями история) / подготовка текста, предисловие, примечания: Д. М. Кәмил. Пешавар: University Book Agency, 1974. (На языке пашто.) 1494 с.
15. Пелевин М. С. Племенная хроника хатаков: текст и автор // Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица / под ред. С. Р. Тохтасьева, П. Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 552–564.
16. Пелевин М. С. Метафоры и образные сравнения в языке афганской племенной хроники // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 13. Вып. 1. С. 71–81.
17. Хушхал-уян Хаттак. Фирәқ-нама (Книга разлуки) / предисл., коммент., глоссарий: З. Хевәдмал. Кабул: Университет Кабула, 1363/1984. (На языке пашто.) 198 с.
18. Хушхал-уян Хаттак. Куллийәт (Собрание сочинений) / предисл. и примеч.: Д. М. Кәмил Моманд. Пешавар: Идәра-йи ишә'ат-и сарҳадд-и Пешавар, 1952. (На языке пашто.) 968 с.
19. Хушхал-уян Хаттак. Ғибб-нама (Книга о медицине) / подготовка текста: Ғ. Риштйн. Кабул: Пашто Толәна, 1345/1966. (На языке пашто.) 58 с.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Пелевин Михаил Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, профессор;
mosprolege@gmail.com

Pelevin Mikhail S. — Doctor of philological sciences, Associate Professor, Professor;
mosprolege@gmail.com